

БИЦЮК И. Е. — в ПКК

БИЦЮК Иван Евстигнеевич, родился в 1870 в Одессе Херсонской губ. (отец из крестьян Полтавской губ.). До 1890 — проживал в хозяйстве отца в Кременчугском уезде, затем окончил военное училище, поступил в Военно-Техническую Академию. Подрабатывал частными уроками и службой в частных страховых кампаниях. В 1899 — мобилизован в армию, участник китайской войны, там произведен в офицеры. В 1904-1905 — участник Русско-японской войны в эскадре Рождественского в чине подпоручика, отличился при обороне Порт-Артура. Работал доверенным представителем разных страховых фирм, бывал за границей. В 1914 — на фронте в чине поручика, был ранен, в 1915 — попал в плен, был вывезен в Германию. В декабре 1918 — вернулся в Россию, работал инженером, с 1925 — старшим инженером в высших мобилизационных органах Ленинградской области, преподавал также в Горном техникуме. В марте 1935 — выслан с женой в Астрахань как бывший дворянин и царский офицер.

Летом 1935 — обратился в ПКК с заявлением.

«Горного Инженера
Ивана Евтихиевича БИЦЮК,
проживающего в г. Астрахани,
ул. Бабушкина, № 36.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Постановлением Ленинградского НКВД, при массовой высылке граждан из Ленинграда в первых числах марта сего года, я, "КАК БЫВШИЙ ОФИЦЕР ЦАРСКОЙ АРМИИ И Б<ывший> ПОТОМСТВЕННЫЙ ДВОРЯНИН", признан "СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫМ" и принужден к высылке в г. Астрахань на 5 лет. Этот приговор-постановление я считаю неправильным по следующим основаниям:

1) Ленинградское Управление НКВД упустило из вида, что во всех армиях, в том числе и в царской, и в Красной Армии, существует два вида офицера (командира): офицер (командир) кадровый — постоянный и офицер (командир) запаса, или резерва, т. е. офицер только во время войны. Офицер (командир) кадровый является офицером по профессии, которая вырабатывает у него специфическое — профессиональное сознание. Офицер (командир) запаса — это офицер во имя исполнения гражданского долга — защиты родины. Этот долг (защита родины — Отечества) обязателен для каждого гражданина и считается "священным" по всем законам, в том числе и Советским.

Понятие "родина" и "Отечество", как юридические термины, восстановлены и по нашим, ныне действующим законам. Кроме того, как в царской, так и в Красной армии всякому военнообязанному гражданину, имеющему среднее и высшее образование, вменялось и вменяется в обязанность сделаться офицером (командиром) запаса. И в убеждениях кадровых офицеров и офицеров запаса была громадная разница. Во всяком случае, термин "офицер царской армии" никогда не применялся к офицерам запаса. Нельзя же назвать т. Крыленко, б<вышего> прапорщика запаса, "б<ывшим> офицером царской армии".

Как видно из моего трудового списка, я был офицером только по мобилизации, т. е. офицером запаса, офицером во имя исполнения и по СОВЕТСКИМ ЗАКОНАМ СВЯЩЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА. Из моего трудового списка и тех документов, которые отобраны у меня при обыске и находятся в Ленинградском НКВД, видно, что я, участвуя в трех войнах — Китайской, Японской (Порт-Артур и эскадра Рождественского) и

Империалистической, будучи много раз ранен, имел всего только чин поручика (помкомроты — 3 квадрата), в то время, как офицеры-профессионалы за одну войну получали три-четыре и больше чинов.

Я не допускаю мысли, чтобы Советская власть сознательно наказывала — жестоко наказывала гражданина за исполнение им первейшего священного гражданского долга даже в царское время, тем более, что исполнение этого долга было принудительное (по мобилизации). Тогда надо наказывать всех и за то, что они родились и вообще жили в царское время.

2. ПО ВОПРОСУ О ПОТОМСТВЕННОМ ДВОРЯНСТВЕ

В момент моего рождения и по настоящее время мой отец был крестьянином Полтавской губернии Кременчугского уезда Градажской волости. При отце я жил до 1890 года, после чего до 1899 года учился в Академии, добывая средства к жизни уроками, переводами и черчением, а потом частной службой в Страховом деле и "доверенным" представителем различных фирм. Таким образом, по происхождению я — крестьянин (или, как я всегда пишу — "из крестьян").

В 1899 году я был произведен в офицеры запаса и автоматически сделался "личным дворянином". В 1904 году за отличие при обороне Порт-Артура я получил офицерский Георгий 4-й степени, который АВТОМАТИЧЕСКИ ДАВАЛ ПОТОМСТВЕННОЕ ДВОРЯНСТВО. Этот орден, в чине Подпоручика, дается исключительно за НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В БОЮ И ЗА ЧИСТО БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ.

Из моего трудового списка и материала, имеющегося в НКВД г. Ленинграда, видно, что я всю жизнь работал исключительно на Дальнем Востоке и Сибири. В тех краях никогда не было дворянства, как сословия, а потому не было и дворянских организаций и возглавляющих эти организации предводителей дворянства. Каждый, получивший потомственное дворянство, должен оформить это, т<о> е<сть> должен был приписаться к дворянскому сословию определенного уезда и губернии, где он жил или служил. В Сибири, где я работал, как уже сказал выше, дворянства не было, звание дворянин не имело никакого значения, и было чуждо всем слоям населения даже городов. Таким образом, мое потомственное дворянство является НЕОФОРМЛЕННОЙ НЕДОПИСАННОЙ ВЫВЕСКОЙ БЕЗ КАКОГО-ЛИБО СУЩЕСТВА ВООБЩЕ, А ТЕМ БОЛЕЕ КЛАССОВО-ПРЕСТУПНОГО.

Скажу больше, свое потомственное дворянство мне было чрезвычайно легко и выгодно скрыть, так как мой георгиевский крест был "высочайше" утвержден тогда, когда я был в запасе и на частной службе, а потому в моих бумагах, кроме "грамоты", официально нигде не фигурирует ни георгиевский крест, ни потомственное дворянство. Я этого не сделал, поступил честно и откровенно, за что и вознагражден теперь ссылкой.

Выселение из Ленинграда было безусловно регламентировано Центральной властью, и, если подлежали и подлежат выселению из Ленинграда б<ывшие> офицеры царской армии и бывшие дворяне, то законодательство имело ввиду не всех вообще офицеров и дворян (тем более, что из их среды, тех и других, вышло немало основоположников и вождей революции), а только людей с твердыми "ОФИЦЕРСКИМИ" и "ДВОРЯНСКИМИ" убеждениями, а для создания таких убеждений нужна определенная обстановка и долгие годы.

Мое же "офицерство" и "дворянство" не дает никаких оснований, кроме формально-бюрократических, для признания меня "СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫМ". Такое признание является только результатом чрезвычайно поспешной и громадной работы Ленинградского НКВД. Кроме формально-

бюрократического отношения и спешки в работе по высылке резко бросалась в глаза тенденция "во что бы то ни стало обвинить" и поэтому всякое отрицательное явление в биографии высылаемых считалось преступлением, а положительная работа при советской власти отбрасывалась. Эта последняя, по заявлению следователя, "его не интересовала", и следователь, несмотря на мои требования, так и не внес в дознание данных о семнадцатилетней советской работе и других явлениях из моей жизни.

По своей службе в страховом обществе "РОССИЯ" я ежегодно бывал за границей. С 15-го года по ноябрь 1918 находился в плену в Германии. Когда разразилась Октябрьская революция, нам, пленным, не советовали возвращаться в РОССИЮ и предлагали работу, как в самой Германии, так и в Англии и Франции, тем более, что я владел языками. Многие из пленных эти предложения приняли и остались за границей. Я же, не раздумывая, категорически отказался. Тогда немцы "самоопределили" меня украинцем и в конце ноября 1918 года вывезли на Украину.

Было начало революции в Германии и разгар развала Скоропадщины. Прямо с границы, никуда не являясь, я самовольно поехал в Одессу к родным. Пробыл там 8-10 дней и, несмотря на уговоры не уезжать "на ужасы и верную смерть" в советскую Россию, я уехал в Ленинград, где через несколько дней поступил на советскую службу, на которой и состоял в течение 17-ти лет до 11-го марта 1935 года. На каких очень ответственных должностях как в Красной Армии, так и по гражданскому ведомству я работал, видно из моего труд<ового> списка (см. приложение).

Особенно подчеркиваю, что с 1925 года и по 11/III-35 года я работал старшим инженером в высших мобилизационных органах Ленобласти, был самым долголетним моб<илизационным> работником и преподавателем мобилизационных дисциплин. За это время меня многократно премировали и, вообще, очень ценили. Доказательством последнего служит хотя бы то, что мне разрешили быть нештатным инженером моб<илизационного> отдела Управления Уполномоченного Наркомлегпрома, чтобы дать возможность быть штатным завучем и преподавателем Горного техникума (см<отри> п<ункт> 29 труд<ового> списка). Это сделали для того, чтобы я не уходил с моб<илизационной> работы. Как и кого допускают к моб<илизационной> работе, Вам известно.

За 17 лет я ни одного мгновения не скрывал инкриминируемых мне "преступлений" — офицерства и дворянства. Моя жизнь, моя работа в течение почти 40 лет не была почвой для создания у меня "УБЕЖДЕННОГО" б<ывшего> офицера царской армии и потомственного дворянина и не давала никаких оснований считать меня "СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫМ" преступником. Но даже если бы в этом могло быть какое-либо сомнение, оно должно быть аннулировано моей 17-ти летней работой Советской власти. Ведь по закону о выборах даже лишенцы после пятилетней добросовестной работы восстанавливаются в правах.

Учитывая все изложенное, прошу приказать пересмотреть мое дело и отменить постановление о высылке.

ПРИЛОЖЕНИЕ — копия труд<ового> списка.

В белых армиях и на территории белых не служил. Под судом не был.

(подпись)»¹.

В начале письма — помета секретаря ПКК:

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 366. С. 47-49. Машинопись, подпись — автограф.

«Подано в ЦИК СССР — получен отказ. Подано Пред<седателю> Совнаркома СССР — получен отказ».

29 сентября Иван Евтихиевич Бицюк был переведен в Курск на остаток срока. Работал заведующим учебной частью Курского филиала института повышения квалификации инженерно-технических работников. 4 октября 1937 — арестован, 13 декабря приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 1.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.